

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

М.Ю. Федосюк

МЕСТО НЕСИНТАКСИЧЕСКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В ТЕОРИЯХ Ф.Ф. ФОРТУНАТОВА О ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СЛОВ И А.А. ПОТЕБНИ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА¹

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.fedosyuk@yandex.ru*

Аннотация: В статье предпринята попытка на материале грамматического значения рода существительных установить связь между лингвистическими теориями Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Потебни. Как известно, у существительных, называющих людей и важных для человека животных, грамматические значения рода указывают на их биологический пол. Что же касается существительных, именующих неживые объекты, а также многих животных, то их грамматические значения рода довольно долго оценивались лингвистами как реликты непонятной современному человеку древней формы мышления. Однако если рассматривать грамматические значения рода как компоненты внутренней формы слова, то станет ясно, что при возникновении слов значения мужского рода использовались для указания на наличие у именуемых предметов таких свойств, присущих существам мужского пола, как их относительно бóльшая активность, бóльшие размеры, бóльшая сила и бóльшая самостоятельность. В свою очередь, грамматические значения женского рода отражали отсутствие этих свойств. В статье подчеркивается сходство между грамматическими значениями рода существительных и внутренними формами слов в их традиционном лексикологическом понимании: (1) грамматические значения рода у обозначений одних и тех же предметов в разных языках могут быть разными; (2) в момент появления слова внутренние формы указывают на связь данного слова и его лексического значения, но с течением времени могут затемняться или утрачиваться; (3) как и традиционные внутренние формы, грамматические значения рода могут составлять один из компонентов лексического значения слова, а могут входить в состав его коннотаций.

Федосюк Михаил Юрьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; m.fedosyuk@yandex.ru.

¹ В основу статьи положен доклад М.Ю. Федосюка на Международной научной конференции «III Фортунатовские чтения в Карелии» (Петрозаводск, 5–7 июня 2023 г.), посвященной 175-летию со дня рождения Ф.Ф. Фортунатова (1848–1914).

Ключевые слова: несинтаксические грамматические значения; части речи; род имен существительных; внутренняя форма слова; лексические значения; коннотации; Ф.Ф. Фортунатов; А.А. Потебня

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-5

Для цитирования: Федосюк М.Ю. Место несинтаксических грамматических значений в теориях Ф.Ф. Фортунатова о грамматических формах слов и А.А. Потебни о внутренней форме слова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 67–84.

1. К постановке проблемы

Авторы работ по истории лингвистических учений нередко уделяют первостепенное внимание различиям между сменявшимися друг друга научными направлениями. Между тем представляется не менее важным и то, что в большинстве случаев каждое новое направление в лингвистике не опровергало и не отменяло предшествующее направление, а, скорее, уточняло и развивало его. Например, широко известная статья Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба, 1974] отражает не только собственную интерпретацию Л.В. Щербой сосюрховской дихотомии языка и речи, но еще и попытку уточнения этой дихотомии с опорой на концепцию одного из основоположников психологического направления в языкознании Х. Штейнтала. Употребляя термин *языковой материал*, Л.В. Щерба повторяет Х. Штейнтала, который еще в середине XIX в. предложил различать в языке: (1) *речь, говорение*; (2) *способность говорить* и (3) *языковой материал*, «т.е. созданные речевой способностью в процессе говорения элементы, которые постоянно употребляются каждый раз, как только снова должен быть выражен тот самый внутренний предмет, для выражения которого впервые они были созданы, или правильнее: действие, производимое при каждом первом выражении какого-либо отдельного внутреннего элемента и повторяемое каждый раз, когда снова должен быть выражен тот же внутренний элемент» [Штейнталь, 1964: 127; ср. Федосюк, 2023].

Вполне целесообразными представляются нам и попытки историков языкознания подвергать проверке на совместимость компоненты самых разных научных концепций. В тех случаях, когда такая совместимость бывает доказанной, это, с одной стороны, повышает объяснительную силу рассматриваемых концепций, а с другой — уточняет и углубляет наши знания о языке.

Ниже мы попытаемся проверить на совместимость элементы теорий Ф.Ф. Фортунатова о грамматических формах слов и А.А. По-

тебни о внутренней форме слова. В ограниченных рамках данной статьи основное внимание будет уделено нами рассмотрению грамматических значений рода имен существительных.

2. Несинтаксические грамматические значения в теории Ф.Ф. Фортунатова о грамматических формах слов

Как отмечает В.М. Алпатов, «грамматическая концепция Ф.Ф. Фортунатова оказала значительное влияние на русское и советское языкознание. <...> Концепция формы слова Ф.Ф. Фортунатова давала основы для разработки морфемного анализа, хотя понятия морфемы у него еще нет. К Ф.Ф. Фортунатову в отечественном языкознании восходят также строго морфологический подход к выделению частей речи, разграничение синтаксических и несинтаксических грамматических категорий и многое другое в теории грамматики» [Алпатов, 1998: 105–106].

Принадлежащие Ф.Ф. Фортунатову предельно точные и логически корректные определения важнейших понятий морфологии во многом послужили образцом научного изложения для его учеников и последователей. Вместе с тем нельзя не отметить, что стремление к максимальной строгости делало некоторые из дефиниций Ф.Ф. Фортунатова довольно громоздкими, а потому непрытыми для быстрого понимания. Так, разграничивая формы словоизменения и формы словообразования, Ф.Ф. Фортунатов пишет: «<...> в формах отдельных полных слов различаются формы слов: 1) как отдельных знаков предметов мысли, 2) формы слов в предложении. Последние обозначают различия в отношениях тех предметов мысли, которые обозначаются данными словами, к другим предметам мысли в предложениях; а первые обозначают различия в самих предметах мысли, обозначаемых словами. Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения или формами флексии слов (не надо смешивать с тем, что называется, как мы видели, флексией основ). Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования в широком смысле этого термина, т. е. по отношению не только к словам простым, но и сложным. Следовательно, формами словоизменения самые слова, имеющие эти формы, обозначаются как различного рода части в предложениях, а формами словообразования самые слова обозначаются как различного рода отдельные знаки предметов мысли» [Фортунатов, том 1, 1956: 155].

Ученик Ф.Ф. Фортунатова А.М. Пешковский (его манера изложения гораздо проще, чем у Ф.Ф. Фортунатова) вносит в теорию о грам-

матических формах слов важное добавление — разграничение синтаксических и несинтаксических грамматических значений. «Возьмем выражение *люблю сестру*, — пишет он, — и остановимся на форме *сестру*. Она принадлежит к трем категориям: падежа, числа, рода. Сравним между собой две из них, как раз наиболее тесно между собою связанные: падежа и числа. Между ними оказывается огромная разница. Падеж слова *сестру* зависит от слова *люблю*, при котором никакого другого падежа быть не может: нельзя сказать “люблю сестры”, “люблю сестре”, “люблю сестрою”, а только *люблю сестру*. Напротив, число слова *сестру* не зависит от слова *люблю*: можно одинаково сказать и *люблю сестру* и *люблю сестер* <...> Категория рода тоже, очевидно, не зависит от других слов, так как одинаково можно сказать *люблю ребенка* и *люблю дитя*, *вызываю ученика* и *вызываю ученицу*, *приглашаю учителя* и *приглашаю учительницу* и т. д.» [Пешковский, 2001: 59]. И далее следует вывод: «Категории, обозначающие, как падеж существительных, зависимость одних слов в речи от других, называются **синтаксическими** (потому что связная речь изучается в синтаксисе), а категории, не обозначающие такой зависимости, — **несинтаксическими**, или **словообразовательными**» [там же].

Известно, что в настоящее время формы словообразования рассматриваются большинством лингвистов за пределами морфологии, в рамках отдельного раздела языкознания — словообразования. Однако и для несловообразовательных, т. е. собственно грамматических, значений необходимо разграничение значений синтаксических и несинтаксических. Вот как об этом пишет В.В. Лопатин: «Различаются, с одной стороны, Г<грамматические> з<начения> референтальные (несинтаксические), отражающие свойства предметов и явлений внеязыковой действительности (напр., значения количественные, пространственные, временные, орудия или производителя действия), и, с другой — Г<грамматические> з<начения> реляционные (синтаксические), указывающие на связь словоформ в составе словосочетаний и предложений» [Лопатин, 2020: 122].

Ярким примером синтаксических грамматических значений могут служить значения рода, числа и падежа прилагательных, поскольку они используются для выражения согласования прилагательных с определяемыми ими существительными. Синтаксически являются и значения падежа существительных, оформляющие подчинительные связи между существительными и управляющими ими словами.

Что же касается несинтаксических грамматических значений, то их можно проиллюстрировать значениями рода имен существитель-

ных. Рассматривая морфологию индоевропейских языков в историческом аспекте, Ф.Ф. Фортунатов подробно описывает грамматические значения существительных, именующих, с одной стороны, живых существ, а с другой — неживые объекты. По поводу наименований живых существ Ф.Ф. Фортунатов пишет так: «В предметах мысли одушевленных, живых, обозначавшихся существительными именами несреднего рода, различались мужеский и женский естественные роды, т. е. по различиям пола, причем, следовательно, существительными именами мужеского рода являлись имена, обозначавшие существа мужеского пола, а существительными именами женского рода — имена, обозначавшие существа женского пола, и в числе существительных женского естественного рода были, между прочим, такие, которые имели в основах словообразовательную форму женского рода» [Фортунатов, т. 2, 1956: 322–323]. Как видим, у наименований значительного количества живых существ грамматические значения рода вносят свой вклад в лексические значения слов.

Иначе обстоит дело с наименованиями неживых предметов. «Предметы мысли неодушевленные, обозначавшиеся существительными именами несреднего рода, — отмечает Ф.Ф. Фортунатов, — распались в о. и. е. <общиндоевропейском> языке на два класса: предметы мысли мужеского рода и предметы мысли женского рода — по следующим признакам. Во-первых, все те неодушевленные предметы мысли, которые обозначались именами существительными несреднего рода, однородными по образованию основ с именами существительными мужеского естественного рода, являлись предметами мысли того же класса, называемого нами “мужеским родом”, а те неодушевленные предметы мысли, которые обозначались именами существительными несреднего рода, однородными по образованию основ с существительными женского естественного рода, являлись предметами мысли того класса, который мы называем “женским родом”. Поэтому и существительные имена, обозначавшие те или другие предметы мысли, были в о. и. е. языке именами мужеского или женского грамматического рода. Во-вторых, те неодушевленные предметы мысли, которые обозначались существительными несреднего рода и которые не принадлежали сами по себе к предметам мысли мужеского грамматического или женского грамматического рода, относились тем не менее к одному из этих двух классов в зависимости от того, сознавались ли они как однородные в других отношениях с предметами мысли мужеского или женского грамматического рода» [Фортунатов, 1957, т. 2: 323].

Как видим, грамматические значения существительных, обозначающих неживые предметы (а таких существительных в русском языке значительно больше, чем существительных, именующих живых существ) обычно не выступают в качестве компонентов лексических значений слов. Комментируя такое положение, А.В. Исаченко пишет: «С точки зрения современного языка нельзя объяснить, почему напр., *глаз* — мужского рода, а *о́ко* — среднего; почему *пшени́ца* и *рожь* — женского, *овёс* и *ячмёнь* — мужского, а *про́со* и *жи́то* среднего рода. С точки зрения современного языка грамматический род существительных, не обозначающих живые существа, лишён какого-либо конкретного содержания: это чисто формальный разряд, не мотивированный языковым мышлением» [Исаченко, 2003: 51].

Следует отметить, что эта важная особенность отличает грамматические значения рода от многих других несинтаксических грамматических значений русского языка, например от значений частей речи или одушевленности/неодушевленности. Основная функция грамматических значений частей речи состоит в выражении средствами грамматики отдельных компонентов лексических значений слов. Так, компонентами лексических значений у прилагательных являются значения ‘признак предмета’, у глаголов — ‘процесс’, а у существительных — ‘опредмеченный (т.е. рассматриваемый вне связи с его носителем) признак’ — именно эти содержательные компоненты добавляются к значению корня *бел-* ‘цвета снега или мела’ и различают лексические значения слов *белый*, *белеть* и *белизна*.

Аналогичным образом ведут себя и грамматические значения одушевленности/неодушевленности существительных: форма винительного падежа у грамматически неодушевленных существительных совпадает с формой именительного падежа (*вижу стол*), а у грамматически одушевленных — с формой родительного падежа (*вижу kota*)². В подавляющем большинстве случаев грамматически неодушевленные существительные обозначают неживые предметы, а существительные, обладающие грамматической оду-

² Заметим, что в лингвистической литературе часто неоправданно смешиваются семантическая и грамматическая одушевленность. Одушевленными существительными называют, с одной стороны, наименования живых существ, а с другой — существительные, у которых форма винительного падежа совпадает с формой родительного падежа. Между тем семантическая и грамматическая одушевленность не всегда совпадают: такие существительные, как *мертвец*, *покойник*, *туз*, *козырь*, являются семантически неодушевленными и одновременно грамматически одушевленными, поскольку формы их винительного и родительного падежей совпадают (*увидеть мертвеца*, *вспоминать покойника*, *снять туза*, *покрыть козыря*).

шевленностью, служат наименованиями живых (точнее, потенциально активных) объектов [Федосюк, 2016]. Однако если одно и то же слово способно обозначать и неодушевленный, и одушевленный объект, то носителем компонента его лексического значения 'активность' является грамматическое значение одушевленности. Именно по этой причине, как сказано в «Краткой русской грамматике», «многозначные слова, в одном из значений являющиеся названиями лиц или животных, а в другом — названиями машин, орудий, приспособлений, устройств, а также вообще неживых предметов, выступают в первом случае как одушевленные существительные, а во втором — как неодушевленные. Так, *путьеукладчик, погрузчик, перехватчик, заправщик, сортировщик, истребитель, спасатель, глушитель, дворник* как названия лиц — одушевленные существительные, а как названия машин (*путьеукладчик, заправщик*), самолетов (*перехватчик, истребитель*), кораблей (*спасатель*), технических приспособлений и устройств (*погрузчик, сортировщик, глушитель, дворник* 'стеклоочиститель') — неодушевленные; *носитель* применительно к человеку или животному — одушевленное существительное, а к неживому предмету — неодушевленное» [Краткая русская грамматика, 1989: 157].

Что же касается грамматических значений рода, то, как пишет В.В. Виноградов, «у подавляющего большинства имен существительных, у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники. По крайней мере, таково наше непосредственное языковое восприятие» [Виноградов, 1972: 56].

Однако можно ли считать грамматическую форму рода отражением какой-то непонятной нам древней стадии мышления или, иначе, как пишет В.В. Виноградов, «палеонтологического отложения отживших языковых идеологий» [Виноградов, 1972: 57]? Многие современные лингвисты отвечают на этот вопрос отрицательно.

Как убедительно показывает Ю.С. Степанов, «основанием номинации в грамматике служит сравнение внешнего мира с человеком, отождествление одних ("активных") предметов с человеком и отрицание этого тождества за другими ("неактивными") предметами. Мы видим, что в основе классифицирующей абстракции лежит метафора — уподобление предметов человеку, который в этом случае выступает не как "отдельное

Я”, а как представитель человеческого рода — активное, действующее в мире и преобразующее мир существо» [Степанов, 1975: 130]. Очевидно, что эти слова Ю.С. Степанова могут быть положены в основу объяснения и мотивов возникновения и развития в индоевропейских языках грамматических значений рода. Понятно, что по вполне очевидным причинам к категориям мужского и женского рода стали относиться наименования мужчин и женщин, а также таких животных, биологический пол которых был важен для человека. Однако одновременно к мужскому, женскому или среднему родам были отнесены, во-первых, обозначения неживых объектов, а во-вторых, названия таких животных, как *бобр* или *выдра*, биологический пол которых для носителей русского языка не имеет значения. Единственным основанием для такого отнесения можно считать метафорический перенос — либо обнаружение сходства обозначаемых предметов с лицами мужского или женского пола (в этом случае наименования приобретали грамматические значения мужского или женского рода), либо отсутствие подобного сходства (тогда выбирался средний род).

Однако какие свойства мужчин и женщин могли в подобных ситуациях служить основанием для метафорического переноса? Совершенно очевидно, что отнюдь не способность или неспособность к деторождению, а некоторые другие второстепенные с точки зрения физиологии качества людей. В одних случаях в основу метафорического переноса могло быть положено такое свойство лиц мужского пола, как их относительно бóльшая активность, в других — относительно бóльшие размеры, в-третьих — бóльшая сила и, наконец, в-четвертых — бóльшая самостоятельность. Понятно, что с течением времени мотивы, по которым те или иные существительные приобретали грамматические значения мужского или женского рода, могли либо забываться, либо вытесняться другими мотивами, однако в современном русском языке имеется несколько групп слов, грамматический род которых очевидным образом обусловлен их лексическими значениями (см. подробнее [Федосюк, 2019; Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976: 65–75]). Приведем по нескольку примеров слов каждой из таких групп:

(1) **Вопросительные местоимения *кто, что* и их дериваты**

Понятно, что, не называя никакого определенного предмета, местоимение *кто*, а также родственные ему местоимения *кое-кто*, *кто-либо*, *кто-нибудь* и *кто-то*, подразумевают, что речь идет об активном живом существе, и потому принадлежат к грамматической категории мужского рода. В то же время местоимение *что*, а также местоимения *кое-что*, *что-либо*, *что-нибудь*, *что-то* обозначают

пассивные предметы, явления и признаки и потому относятся к среднему роду. Можно утверждать, что принадлежность только что упомянутых местоимений соответственно к мужскому и среднему родам выступает как компонент лексических значений местоимений типа *кто* и *что*: лексические значения местоимений типа *кто* содержат указание на активность обозначаемых предметов, их принадлежность к категории лиц, тогда как лексические значения местоимений типа *что* несут информацию об отсутствии у обозначаемых объектов или ситуаций признака активности.

(2) Несклоняемые существительные

Как известно, «несклоняемые существительные обнаруживают свою родовую принадлежность синтаксически, в сочетаниях с поясняющими их определениями: *военный атташе, персидская пери, короткое интервью*» [Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976: 77]. У несклоняемых существительных, которые означают людей, грамматический род определяется по биологическому полу человека. Однако при обозначении подобными существительными неодушевленных предметов или животных, если не принимать во внимание некоторые исключения, наблюдается следующая закономерность: существительные, называющие неодушевленные предметы, в своем большинстве относятся к среднему роду, например: *железнодорожное депо, интересное интервью, маршрутное такси*, а слова, обозначающие животных, являются существительными мужского рода: *зебу, пони, шимпанзе, какаду, кенгуру* [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 1998: 203–204]. Причины такого положения легко объясняются тем, что неживые предметы лишены активности, тогда как животные представляет собой активные объекты.

(3) Парные по роду существительные-синонимы

В некоторых случаях, когда компонентами лексической системы русского языка по причинам исторического характера оказываются синонимичные существительные, имеющие разные грамматические значения рода, слова мужского рода, как правило, отличаются от слов женского рода семантическими компонентами ‘большие размеры’, ‘активность’, ‘сила’ или ‘самостоятельность’.

Подобными синонимами в русском языке являются прежде всего существительные *собака* и *пес*. «Слово **пес**, — отмечает Словарь синонимов русского языка, — употр. преимущ. по отношению к большой собаке <...>³».

³ Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1971. Т. 2. С. 451. (Здесь и в последующих выписках из словарей разрядка моя. — М.Ф.)

Другая синонимическая пара — это слова *лошадь* и *конь*, семантические различия между которыми в Словаре синонимов определены так: «**Лошадь / конь**. Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п. **Лошадь** — наиболее общее название этого животного; слово **конь** употр. обычно в тех случаях, когда говорится о верховой, нерабочей лошади, о лошади быстрой, сильной, горячей и т. п., особенно в поэтической, в приподнятой речи, в фольклоре, а также употр. в специальной речи военных, коннозаводчиков для обозначения самца лошади»⁴.

Некоторые из носителей современного русского языка иногда ошибочно считают пары слов *пес* и *собака*, а также *конь* и *лошадь* обозначениями соответственно самцов и самок животных, однако эту функцию издавна выполняют другие пары, которые по причинам их нередкого употребления в переносных смыслах иногда воспринимаются как неприличные. Это пары *кобель* и *сука* и *жеребец* и *кобыла*.

(4) Родовые варианты имен существительных

Известно, что «некоторые имена существительные употребляются в современном русском литературном языке и в форме мужского, и в форме женского рода. Достаточно часто параллельные формы не связаны со смысловыми или стилистическими различиями и выступают как равноправные, однако немало случаев, когда одна из параллельных форм более употребительна в одном из указанных родов» [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 1998: 196]. Однако если родовые варианты существительных различаются по значениям, то наблюдается уже отмеченная нами закономерность: как правило, существительные мужского рода отличаются от парных им существительных женского рода семантическими компонентами ‘активность’, ‘большие размеры’, ‘сила’ или ‘самостоятельность’.

Приведем примеры, в которых существительные мужского рода отличаются от существительных женского рода семей ‘большие размеры’:

Козá. 1. Домашнее рогатое жвачное животное сем. полорогих, дающее молоко, шерсть, мясо; самка козла — *Козёл*. 2. Род парнокопытных млекопитающих сем. полорогих, обитающих гл. образом в горах⁵. Понятно, что горные козлы заметно отличаются от домашних коз своими большими размерами.

⁴ Там же. Т. 1. С. 517.

⁵ Здесь и далее толкования приведены по изданию: Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984.

Ворóна. 1. Птица с черным или серым оперением, родственная ворону. — *Вóрон*. Крупная птица с блестящим черным оперением, гнездящаяся обычно в уединенных местах. По данным энциклопедических словарей, ворон значительно крупнее вороны: длина тела ворона достигает 65 см, тогда как длина вороны не превышает 56 см⁶.

Зáнавесь. 1. То же, что занавеска — *Зáнавес*. Большое полотнище (обычно из тяжелой ткани), завешивающее или отгораживающее что-л.

Другая группа примеров иллюстрирует противопоставление существительных мужского и женского рода по признакам 'самостоятельность' / 'несамостоятельность'. Здесь существительные мужского рода именуют предметы, т.е. сущности, которые обладают самостоятельностью, а существительные женского рода — пропозиции, т.е. явления, обозначающие ситуации и потому самостоятельностью не обладающие.

Выводок — О детенышах, выведенных одной самкой и держащихся вместе — *Выводка* — 1) животных для их осмотра; 2) удаление, уничтожение пятен, грязи и т.п.⁷

Вы́кормок — Воспитанник, вскормленный кем-либо — *Вы́кормка* — Забота о чьем-либо питании, кормление до известного возраста.

Вы́плавок (металлург.) — Кусок металла, выплавленный из руды — *Вы́плавка* выплавливание металла.

(5) Экспрессивное использование грамматических значений рода в речи

Вполне естественно, что морфологическая категория рода используется при образовании окказионализмов в тех разновидностях речи, которые ориентированы на выразительность и креативность. Для выражения добавочных смысловых оттенков 'активность', 'большие размеры', 'сила' и 'самостоятельность' литературное существительное женского рода может заменяться новообразованием мужского рода, а для указания на отсутствие только что упомянутых признаков вместо слова мужского рода может быть употреблен окказионализм женского рода.

Широко известен пример подобного окказионального словообразования из повести В. Распутина «Прощание с Матёрой»: «Ближе леса и левой от дороги огорожена была с двух сторон поскотина, оставив стороны к своей Ангаре и деревне открытыми, — там бродили коровы, и тонко бренчало, как булькало, на шее одной из них ботало. Там же, как царь-дерево, громоздилась могучая, в три об-

⁶ Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 248.

⁷ Этот и все последующие примеры почерпнуты из работы [Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976: 67].

хвата, вековечная лиственница (*листвен*ь — на “он” знали ее старики), с прямо оттопыренными тоже могучими ветками и отсеченной в грозу верхушкой». Для любого носителя русского языка окказиональное обозначение одиноко стоящей громадной лиственницы существительным мужского рода *листвен*ь вполне естественно.

Приведем еще несколько примеров, зафиксированных исследователями:

Машин симпатичный (из письма В.В. Маяковского). «Грамматическая транспозиция (*машина* → *маши*н), — комментирует этот пример Е.Н. Ремчукова, — мотивирована логикой смещения в сторону мужского рода, который в большей степени соответствует такой “мужественной” вещи (автомобили в это время еще были редкостью) <...>» [Ремчукова, 2005: 99].

Хочешь такую зверю? (о мягкой игрушке), *А в Москве холодно, –20°С, настоящий зимний погод* (ведущий на радио «Максимум»). Приводя данные примеры, О.Л. Богатырева пишет: «<...> в этих примерах перенос по смежности (*игрушка* ж. р. — *зверя* ж. р., *мороз* м. р. — *погод* м. р. разрушает связь между лексическим и грамматическим значением, что сопровождается экспрессивным эффектом» [Богатырева, 2008: 7]. Представляется, однако, что причины замены рода здесь несколько иные. Окказионализм *зверя* употреблен не по аналогии с родовым наименованием *игрушка* (едва ли ребенку можно было бы сказать: **Хочешь такую автомобилью?* или **Хочешь такую подъемную крану?*), а потому, что речь идет о мягкой игрушке, т.е. о предмете, не обладающем ярко выраженной активностью, большими размерами и силой. В свою очередь, можно предположить, что окказионализм *погод* употреблен не только по аналогии со словом *мороз*, но еще и потому, что речь идет об очень низкой температуре, обладающей большой «силой».

Очевидно, что в рассматриваемых случаях грамматические значения рода используются как носители коннотаций. Напомним, что коннотациями лексемы Ю.Д. Апресян предлагает называть «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятые в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995: 159].

Задумается: что же представляют собой весьма неоднородные по своему содержанию несинтаксические грамматические значения рода имен существительных, которые в одних случаях (*глаз* и *око*) никак не связаны с лексическими значениями слов, в других случаях (*кто* и *что*) образуют компоненты лексических значений и, на-

конец, в-третьих (*лиственница* и *лиственъ*) — используются для выражения коннотаций? Напрашивается ответ, что всеми перечисленными свойствами обладают внутренние формы слов, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем.

3. Несинтаксические грамматические значения рода в теории А.А. Потебни о внутренней форме слова

Термин *внутренняя форма языка* был введен в научный оборот В. фон Гумбольдтом. Исчерпывающего определения внутренней формы языка у Гумбольдта нет, однако, анализируя его рассуждения, можно прийти к выводу, что внутренние формы — это специфические для каждого из языков смысловые механизмы, которые позволяют языкам передавать внеязыковое содержание. «Через описание формы, — пишет Гумбольдт, — мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык, а с ним и народ, говорящий на этом языке» [Гумбольдт, 1984: 73]. И далее: «В самом деле, каждое понятие обязательно должно быть внутренне привязано к свойственным ему самому признакам или к другим соотносимым с ним понятиям, в то время как артикуляционное чувство (*Articulationssinn*) подыскивает обозначающие это понятие звуки. Так обстоит дело даже с внешними, телесными предметами, непосредственно воспринимаемыми чувством. И в этом случае слово — не эквивалент чувственно-воспринимаемого предмета, а эквивалент того, как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова. Именно здесь — главный источник многообразия выражений для одного и того же предмета; так, в санскрите, где слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разных понятия» [Гумбольдт, 1984: 73].

Из того, что Гумбольдт характеризовал форму как специфический путь к выражению мысли, можно сделать вывод, что в его концепции своеобразными внутренними формами обладают не только слова, но и каждый из языков в целом. Эта мысль получила убедительное подтверждение уже в XX в. вначале в «Пролегоменах к теории языка» Л. Ельмслева [Ельмслев, 1999], а позднее в работах по системной типологии языков Г.П. Мельникова [Мельников, 2003]. Однако пример Гумбольдта о трех разных смысловых способах, при помощи которых в санскрите может быть обозначен слон, заставил многих его последователей прежде всего детально рассматривать не внутренние формы языков, а внутренние формы слов.

Развивая учение о внутренней форме слова, А.А. Потебня писал: «*Внутренняя форма* слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные. Так, мысль о туче представлялась народу под формою одного из своих признаков, именно того, что она вбирает в себя воду или изливает ее из себя, откуда слово *туча* (корень *ту*, пить и лить). Поэтому польский язык имел возможность тем же словом *tęcza* (где тот же корень, только с усилением) назвать радугу, которая, по народному представлению, вбирает в себя воду из криницы» [Потебня, 1993: 74].

Внимание к внутренней форме слов не ослабевает и в наши дни. Внутренние формы слов исследуются как одна из типологических характеристик языков, потенциальный источник многозначности слов, «ключ» к лексическим значениям агнонимов, специфичное для каждого из языков отражение предметов и явлений в языковой картине мира, источник выразительности и креативности текстов и т.п. [Зализняк, 2005; Норман, 2022; Ремчукова, 2005; Федосюк, 2022; Шевлякова, 2023]. Однако по давно существующей традиции несинтаксические грамматические значения не рассматриваются как компоненты внутренней формы слова. Между тем для некоторых грамматических значений, и прежде всего для грамматических значений рода имен существительных, основания для такого рассмотрения имеются. В самом деле, как и внутренние формы в их традиционном лексикологическом понимании, грамматические значения рода у обозначений одних и тех же предметов в разных языках могут быть разными. В момент появления слова внутренние формы указывают на связь слова и его лексического значения, а впоследствии могут затемняться или утрачиваться. Как и традиционные внутренние формы, значения рода могут именоваться один из компонентов лексического значения слова, а могут входить в состав его коннотаций.

3. Заключение

Подводя общие итоги, необходимо отметить следующее. Представляются небесполезными попытки проверки на совместимость компонентов разных теоретических лингвистических концепций. Как показало сопоставление элементов теории Ф.Ф. Фортунатова и его последователей о грамматических формах слов и теории

А.А. Потевни о внутренней форме слова, несинтаксические грамматические значения могут рассматриваться как разновидности внутренней формы слова. Есть основания утверждать, что такое наблюдение повышает объяснительную силу сопоставляемых теорий и углубляет наши знания о языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М., 1998.
2. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. М., 1995.
3. *Богатырева О.Л.* Креативный потенциал категории рода в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
5. *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
6. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // *Зарубежная лингвистика*. I. М., 1999. С. 131–256.
8. *Зализняк Анна А.* Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте // *Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой*. М., 2005. С. 87–106.
9. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. М., 2003.
10. *Краткая русская грамматика* / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.
11. *Лопатин В.В.* Грамматическое значение // *Русский язык: Энциклопедия*. М., 2020. С. 122–123.
12. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. М., 2003.
13. *Норман Б.Ю.* Этимологический словарь. М., 2022.
14. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
15. *Потевня А.А.* Мысль и язык. Киев, 1993.
16. *Ремчукова Е.Н.* Креативный потенциал русской грамматики. М., 2005.
17. *Розенталь Д.Э., Джанджашкова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.
18. *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания, М., 1975.
19. *Федосюк М.Ю.* Джип подрезал «форда», или существует ли в русском языке грамматическая категория одушевленности/неодушевленности? // *Studia z Filologii Polskiej i Słowianskiej*. Vol. 51. 2016. S. 73–88.
20. *Федосюк М.Ю.* На лошади или на коне сидит Медный всадник? (О вкладе грамматической категории рода в лексические значения существительных) // *Slavia orientalis*. 2019. T. LXVIII. NR 1. S. 137–148.
21. *Федосюк М.Ю.* О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2022. № 4. С. 9–19.
22. *Федосюк М.Ю.* Психологический аспект лингвистической концепции Л.В. Щербы // *Психология языка и психолингвистика: истоки и современность (к 200-летию со дня рождения Хеймана Штейнганя)*. М., 2023. С. 179–186.
23. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. М., 1956; т. 2. М., 1957.

24. Шевлякова Д.А. Принципы номинации итальянских вин в начале XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 68–78.
25. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964. С. 127–135.
26. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность Л., 1974.

Mikhail Yu. Fedosyuk

THE PLACE OF NON-SYNTACTIC GRAMMATICAL MEANINGS IN F. FORTUNATOV'S THEORY ON THE GRAMMATICAL FORMS OF WORDS AND A. POTEBNYA'S THEORY ON THE INNER FORM OF THE WORD

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.fedosyuk@yandex.ru

Abstract: The article attempts to establish a connection between the linguistic theories of F.F. Fortunatov and A.A. Potebnya. It is known that in nouns that name people and animals important to humans, the grammatical meanings of gender indicate their biological sex. As for the nouns that name inanimate objects, as well as some other animals, their grammatical meanings of gender for quite a long time were estimated by linguists as relics of an ancient form of thinking incomprehensible to modern people. However, if we consider the grammatical meanings of gender as a component of the inner form of the word, it becomes clear that when creating words, the meanings of the masculine gender were used to indicate the presence of such properties in objects that are inherent in male beings, such as their relatively greater activity, larger size, greater strength and greater independence. In turn, feminine grammatical meanings reflected the absence of these properties. The article emphasizes the similarity between the grammatical meanings of gender of nouns and the inner forms of words in their traditional lexicological understanding: (1) in different languages, the names of the same objects can have different grammatical gender meanings, (2) at the time of the appearance of a word, its inner form indicate the connection between the word and its lexical meaning, but over time inner forms can be obscured or lost, (3) like the traditional inner forms, the grammatical meanings of gender can either represent one of the components of the lexical meaning of the word, or may be part of its connotations.

Key words: non-syntactic grammatical meanings; parts of speech; gender of nouns; inner form of the word; lexical meanings; connotations; Philip Fortunatov; Alexander Potebnya

For citation: Fedosyuk M.Yu. (2023) The Place of Non-syntactic Grammatical Meanings in the F. Fortunatov's Theory on the Grammatical Forms of Words and A. Potebnya's Theory on the Inner Form of the Word. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–84. (In Russ.)

About the author: Mikhail Yu. Fedosyuk — Dr.Habil. in Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; m.fedosyuk@yandex.ru.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. 1998. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [The History of Linguistic Doctrines]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
2. Apresyan Yu.D. 1995. *Izbrannye trudy* [Selected Writings]. Vol. 2. Moscow, Shkola Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.)
3. Bogatyreva O.L. 2008. *Kreativnyi potentsial kategorii roda v sovremennom russkom yazyke* [The Creative Potential of the Gender Category in Modern Russian]. Abstract dis. ... cand. philol. sciences. Moscow. (In Russ.)
4. Vinogradov V.V. 1972. *Russkii Yazyk (Grammaticheskoe Uchenie o Slove)* [Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)]. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russ.)
5. Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. 1976. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov* [Grammatical Correctness of Russian Speech: An Experience of a Frequency-Stylistic Dictionary of Variants]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
6. Humboldt W. von. 1984. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress. (In Russ.)
7. Hjelmsov L. 1999. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to the Theory of Language]. *Zarubezhnaya lingvistika. I* [Foreign Linguistics. I]. Moscow, Progress, pp. 131–256. (In Russ.)
8. Zaliznyak Anna A. 2005. *Problema vnutrennei formy slova v tipologicheskoy aspekto* [The Problem of the Inner Form of a Word in the Typological Aspect]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst: Sbornik statei k 70 letiyu T.M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text: Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of T.M. Nikolaeva]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 87–106. (In Russ.)
9. Isachenko A.V. 2003. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii so slovanskimi: Morfologiya* [The Grammatical Structure of the Russian Language in Comparison with Slovak: Morphology]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury.
10. Shvedova N.Yu., Lopatin V.V. (eds.) 1989. *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, Russkii yazyk. (In Russ.)
11. Lopatin V.V. 2020. *Grammaticheskoe znachenie* [The Grammatical Meaning] *Russkii yazyk: Ehntsiklopediya* [Russian language: Encyclopedia]. Moscow, AST-Press Shkola, pp. 122–123. (In Russ.)
12. Mel'nikov G.P. 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov* [System Typology of Languages]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
13. Norman B.Yu. 2022. *Entimologicheskii slovar'* [Entymological Dictionary]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
14. Peshkovskii A.M. 2001. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. URSS. (In Russ.)
15. Potebnya A.A. 1993. *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Kiev, SINTO. (In Russ.)
16. Remchukova E.N. 2005. *Kreativnyi potentsial russkoi grammatiki* [Creative Potential of Russian Grammar]. Moscow, RUDN. (In Russ.)
17. Rozental' D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. 1998. *Spravochnik po pravopisaniiyu, proiznosheniuyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [A Guide to Spelling, Pronunciation, Literary Editing]. Moscow, ChERo.

18. Stepanov Yu.S. 1975. *Osnovy obshchego yazykoznaniya* [Basics of general linguistics]. Moscow, Prosveshchenie. (In Russ.)
19. Fedosyuk M.Yu. 2016. Jeep podrezal forda, ili Sushchestvuet li v russkom yazyke grammaticheskaya kategoriya odushevlenosti / neodushevlenosti? [Jeep cut forda, or Is there a grammatical category of animateness / inanimateness in Russian?]. *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*, vol. 51, pp. 73–88.
20. Fedosyuk M.Yu. 2019. *Na loshadi ili na kone sidit Mednyi vsadnik? (O vklade grammaticheskoi kategorii roda v leksicheskie znacheniya sushchestvitel'nykh)* [On the contribution of the grammatical category of gender to the lexical meanings of nouns]. *Slavia Orientalis*, 2019, vol. LXVIII, No. 1, pp. 137–148.
21. Fedosyuk M.Yu. 2022. *O prichinakh rosta analitizma i produktivnosti neidiomatichnykh nominatsii v russkom yazyke nashikh dnei* [On the Reasons for the Growth of Analyticism and Productivity of Non-idiomatic Nominations in the Russian Language of Our Days. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)
22. Fedosyuk M.Yu. 2023. *Psikhologicheskii aspekt lingvisticheskoi kontseptsii L.V. Shcherby* [The Psychological Aspect of the Linguistic Concept of L.V. Shcherba]. *Psikhologiya yazyka i psikholingvistika: istoki i sovremennost' (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Kheimana Shteintalya)*. [Psychology of Language and Psycholinguistics: Origins and Modernity (on the 200th Anniversary of the Birth of Heymann Steintal)]. Moscow, RIO GUP, pp. 179–186.
23. Fortunatov F.F. 1956–1957. *Izbrannye trudy* [Selected Writings], Vol. 1, Moscow, Uchpedgiz, (In Russ.) Tom 2. M.: Uchpedgiz, 1957.
24. Shevliakova D.A. 2023. *Printsipy nominatsii ital'yanskikh vin v nachale XXI v.* [Principles of naming Italian wines in the 21st century]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 68–78. (In Russ.)
25. Steintal H. 1964. *Grammatika, logika i psikhologiya (ikh printsipy i ikh vzaimootnosheniya)* [Grammar, Logic and Psychology (Their Principles and Their Relationships)] In Zvegintsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the 19th–20th Centuries in Essays and Extracts]. Part 1. Moscow, Prosveshchenie, pp. 127–135. (In Russ.)
26. Shcherba L.V. 1974. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech Activity]. Leningrad, Nauka. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 17.06.2023;
принята к публикации 24.07.2023

The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 17.06.2023;
accepted for publication 24.07.2023